

Разрушение самодельности крестьянского схода, до сих пор под видом общего собрания зем. об-ва отставившего свое бытие против классовой стилизации, или приведет к окончательному разрушению хозяйственной самодельности сельского общества, или — что вероятнее — приведет к тому, что практика приобретет какое-нибудь новое русло для проявления самопомощи, как это было до сих пор.

Взяла сама по себе задача обособления чисто административных функций сельских учреждений от хозяйственных функций коллектива земледельцев оказывается не под силу советскому строю. Осуществление ее предполагает построение земледельца на чисто хозяйственном начал, устранение общеполитических задач из деятельности коллектива земледельцев, проведение вместо классовых привилегий начал общегосударственного равенства, как в хозяйственной области, так и в строении ор-

ганов управления. Тогда правительство сможет предоставить обществу земледельцев самостоятельно заботиться о защите своих хозяйственных интересов, оставив за собой надзор лишь постольку, поскольку оно вообще должно иметь место по отношению к профессиональным организациям. А создание мелкой земельной единицы, построенной на всеобщем избирательном праве и способной обеспечить местные общественные нужды, устранить для коллективов земледельцев необходимость заниматься, помимо своих непосредственных задач, задачами органов местного общественного управления. Органы профессионального самоуправления, объединяясь между собой до степени союзов общегосударственного значения, получают возможность действовать пред лицом государства, в специальном отведенной им сфере, наряду с органами общественного самоуправления.

А. А. Боголюбов.

Реформа турецкого письма.

За последнее время советская, а также и европейская печать уделяет довольно много места так называемым реформам турецкого алфавита. В советских изданиях накопилось уже довольно значительная литература по этому вопросу, к сожалению разрабатываемому с исключительной — истинно большевизской — безответственностью.

Сущность реформы заключается в пассивном введении фонетического способа письма, основанного на русско-латинских начертаниях, и в запрещении до сих пор общепотребительного арабского алфавита.

Арабский алфавит, объединяющий около 25 миллионов русских турок, является своего рода условным звуковым письмом, которое, подобно ряду других восточных алфавитов, опускает большинство гласных, соединяя согласные особым, отчасти декоративным, приемом.

Этот «недостаток» алфавита дѣлает его, однако, как ни странно, могущественным фактором духовного единства турецких племен. Только благодаря неполной передаче звуков значительная диалектическая разнота в языке татар, узбеков, таджиков и пр. остается почти совершенно незамеченной, дѣлая возможным понимание, например, бакинской газеты в Казани, Самаркандѣ и даже в Вухарѣ. Духовное единство русских турок друг с другом вытекает, главным образом, на общности алфавита, который в свою очередь сближает их с

несовѣтскими турками, открывая широкую дорогу антисоветским тенденциям современной турецкой и персидской мысли.

Фонетическая система, — при которой каждое турецкое племя получает собственный, отличный от соседнего, алфавит, — неминуемо расчленила до сих пор больше или меньше общую культуру русских турок на ряд мелких, провинциальных культур и, кроме того, окончательно отряжет азиатскую Россию от все еще не признаваемой мировой революцией мусульманского Востока.

Пронизывает нѣчто отчасти напоминающее Вавилонское столпотворение: татары перестанут понимать узбекскую газету, узбеки азербейджанскую книгу, азербейджанцы — крымские стихи, а все выйдет турецкую и персидскую контр-революционную литературу, а заодно и собственную, отпечатанную арабским алфавитом и, разумеется, непонятную большевикам до-революционную письменность. Но зато молодое поколение прекрасно научится понимать только книги, отпечатанные новым алфавитом в советских типографиях для крохотных диалектов и республик.

Таким образом, не трудно усмотреть в этом новом советском «единении на культурном фронте» довольно серьезную угрозу духовной жизни русских турок, не желающих добровольно приобщиться к советским теориям «раскрепощения Востока».

В конце концов в России мѣнется достаточное количество людей знающих ту элементарную истину, что условное звуковое письмо является необходимой

Печать.

Какой то немысленный инкор, по фамилии Цицпоров, поставил вопрос, что можно и чего нельзя комсомольцу, каким комсомольцем должен быть. Поводом к постановке вопроса послужили товарищи Ч., который не курит, не пьет, чрезвычайно бережлив, но обидает и унижает каждый день, очень слѣдует за собой, всегда надвѣвает чистую одежду, словом, сталъ в полном смысле культурным человеком.

Все шло хорошо. После покупки швейной машины (на всякій случай), фотоаппарата тов. Ч. теперь захотѣлось купить золотые часы на руку, но бонуса комсомольца, которые будутъ трупить надъ нимъ.

Вопрос, поставленный Цицпоровъ, попалъ къ самую точку и вызвалъ чрезвычайно оживленное обсуждение. Редакция газеты настроена какъ будто недружелюбно и дискуссия о тов. Ч. печатается подъ большим заголовкомъ:

Герой от берегательной книжки. Подъ заголовкомъ помѣщена карикатура, на которой тов. Ч., водружившись на прочной подставкѣ, на которой написано Сбер. Касса, и опираясь лѣвой рукой на огромные часы, правой указываетъ на приборъ — тенные имъ уже дѣтству съ канарей-

кой, граммофонъ, женскій бюстъ и баню варенья. Но письма, въ огромном количестве поступающа, почти все время товарища Ч.

Удивительно какъ критика негодуетъ одинъ изъ корреспондентовъ. Почему въ самомъ дѣлѣ комсомолец не въ правѣ имѣть часы, денегъ, какъ при военномъ коммунизмѣ.

По какому же насъ тащитъ турная революция? Другой комсомолецъ еще боится только протестуетъ противъ написанного тов. Ч. Почему ему не покупать часы? Что дѣлаетъ тов. Ч. съ раздѣломъ ихъ бѣднымъ называть комсомоломъ? Пѣть, лезть, зарабатывать своимъ трудомъ слова напечатаны прописными (вами) и распределяются какъ хочется.

По мнѣнию этого комсомольца тов. Ч. въ томъ, что онъ мѣшанная ватель, не правъ. Какъ разъ такой комсомолецъ и нуженъ. Мой выдѣлаетъ на Ч.

Горячо рекомендуемъ эту замечательную дискуссию комсомольцамъ и агитаторамъ меньшевиковъ. охотно къ нимъ обрабаются. Русские стремились ко всякой должности бы багватной, лишь бы имѣли возможность практиковать. Много борьбы выдалось вокругъ этого, и бывали когда врачъ, ставшій знаменитымъ привлекающій къ себѣ больныхъ страны, внезапно долженъ былъ шасть приемы, такъ какъ его служба.

особенностью всякой культуры, въ которой — благодаря обширности территории — появились значительныя диалектскія развѣтления.

Реформа турецкаго алфавита представляетъ собой для каждого, не одурманеннаго фонетическимъ советскимъ летучекамъ, новый созидательный политический актъ, направленный къ болѣе легкому въплерению большевизма мироозаранія среди русскихъ турокъ и къ полной ихъ духовной изоляци.

Ассады-Бей.

Русские врачи в Болгарии.

Въ болгарское Народное Собрание внесен законопроектъ о предоставлении правъ русскимъ врачамъ. Вопросъ этотъ имѣетъ долгую исторію. Въ Болгаріи находится нѣсколько десятковъ русскихъ врачей. Многие изъ нихъ состоятъ на государственной или общественной службѣ и тѣмъ самымъ имѣютъ право частной практики. Но остальнымъ — практика воспрещена. Явная несправедливость такого положенія неоднократно привлекала къ себѣ вниманіе, тѣмъ болѣе, что населеніе очень цѣнитъ русскихъ врачей и чрезвычайно

Внесенный теперь законопроектъ касается только тѣхъ русскихъ врачей, которые живутъ въ Болгаріи непрерывно с 1 июля 1922 г., и были въ Россіи до 1 октября 1917 г. Въ мотивахъ къ нему, что они сроднились съ болгарской и что болгарскій народъ долженъ имъ на помощь.

Законопроектъ особенно слѣдуетъ вѣтствовать въ настоящее время, такъ въ связи съ открытjemъ въ медицинскомъ факультетѣ (главнымъ образомъ состоящимъ изъ русскихъ же студентовъ) съ появленіемъ первыхъ своихъ кончившихъ въ Софій медицинскую службу естественно востанетъ для русскихъ врачей

Горячая земля.

Рассказъ.

1.

Лѣсъ стоялъ въ золотомъ свѣтѣни солнца. Дорога, уходящая въ лѣсъ, была усыпана шишками, походящими на елей, а другая дорога — пыльная — была въ навозныхъ метлахъ.

Семень Арсентьевичъ вдохнулъ, завидѣвъ хуторокъ.

— ... Такъ вотъ, — повеселѣвъ, продолжалъ Семень Арсентьевичъ, обращаясь къ возницѣ, — въ той Сахарѣ на верблюдахъ ѣздитъ. Есть такіе, другорые. Видаль верблюдовъ?

— Какіе, не видѣлъ, — отвѣтилъ мужикъ, глядя коно подъ ноги. — Тигра я видѣлъ. Тоже здоровая стерва. А въ родѣ кошки. Ему жрать на палкахъ даютъ. Фунта по три въ махъ жретъ.

У мелкаго ельника, которымъ былъ обнесенъ плетень, мужикъ остановилъ лошадь, и на верстовомъ столбѣ Семень Арсентьевичъ увидѣлъ вывеску:

«Въ показательный агропунктъ Воховского селѣ».

Идѣ Семень Арсентьевичъ слѣвъ, какъ, откуда ни возьмись, два здоровенныхъ пса рыкнули разомъ и оглушительно. И тотчасъ со стороны дома раздались повелительныя окричь:

— Назадъ! Назадъ, лѣшю!

Но было поздно: не успѣвъ мужикъ заманутивать клутомъ, а Семень Арсентьевичъ принять оборонительное положеніе, какъ песь съ лѣвшинной на ухѣ вѣрнулся въ штанну, чуть повыше колѣна. Лошадь, испугавшись, подпрыгнула, а мужикъ, выругавшись, хватилъ пса плугомъ, что было силы. Тотъ закусилъ, помычал по дороге, вправо, за шимъ второй.

На ступеняхъ лѣвшини, ведущей въ комнаты, Семень Арсентьевичъ увидѣлъ дѣвку. Въ мочкахъ ея ушей свѣтлѣли стекляшки серегъ. Въ рукахъ, крѣпко обожженныхъ солнцемъ, дѣвка держала ведро.

— Ну, и лѣше жа, — разсмѣялась она, удравъ въ глаза бѣгнущую зуборъ.— Штанну порвали, — а!

Въ комнатѣ отъ духоты сразу захватило грудь. Оба окна, выходящая въ садъ, были настѣлы, но духота шла именно оттуда, изъ сада.

— Июль мѣсяцъ! — отирая со лба потъ, весело сказалъ мужикъ. — Прямо на горячей землѣ жимевъ: цѣльныхъ три недѣли безъ дождя!

Онъ переминался съ ноги на ногу, стоя въ дверяхъ. «На такъ ожидаетъ», — подумалъ Семень Арсентьевичъ и досталъ гриппенчикъ. — Не изнати еще рабская привычка».

Но глядя мужикъ зажалъ мнугу въ кулакъ, несомнѣнно осязалъ ее достоинство, ибо, облизывая губы, попросилъ:

— Покурить ба...

— Ну, вотъ и на мѣстѣ, — сказалъ себѣ Семень Арсентьевичъ, оставшись одинъ. Постепенно къ нему возвращалось утраченное расположение духа. Нагбвая, онъ разложилъ воши: книги на маленькій столикъ, какіе столтъ въ дѣтскихъ, обѣяло и подумку на кровать, показавшуюся мягкой, какъ морская волна. Переодѣвшись, въ полотноныхъ брюкахъ и майкѣ-безрукавкѣ, перебрисивъ черезъ плечо полетенье, пошелъ во дворъ. Изъ обомлевъ весь домъ, служебныя пристройки, гдѣ находилось молокомяка, козы и разный инвентаръ, и за стеною на квадратномъ выполотомъ плацу увидѣлъ тракторъ.

II.

Семень Арсентьевичъ уже переѣхалъ плацъ, когда за спиной услышалъ возню: изъ-подъ колесъ трактора, походящихъ на гигантскія ленты, желтъя пятнами, стремились пара человѣческихъ ногъ. Ноги находились въ столь очевидномъ безпокойствѣ, что Семень Арсентьевичъ привскочилъ на мѣстѣ, вѣтмъ побѣжвалъ и опустился на корточки въ немаломъ удивленіи.

— Приподнимите! — прокрипѣлъ новизимый человекъ.

— Чего? — не понялъ Семень Арсентьевичъ.

— Машину приподнимите.

— Легко сказать! Вы что, — шутитѣ?

Крѣпко держа за обѣ ноги. Семень Арсентьевичъ вытянулъ челоуѣка. Тотъ поднялся, отдуваясь, съ перепачканнымъ, распараннаннымъ лицомъ.

— Что вы тамъ дѣлаете? — задалъ вопросъ Семень Арсентьевичъ, держа съ азъ ушибленной носъ.

— Ветфельдшеръ, — сказала челоуѣкъ вместо отвѣта и вытеръ руку о штанину. — Брошнѣ.

— Но вѣдь это не лошадь! — воскликнулъ Семень Арсентьевичъ въ большомъ удивленіи.

— Вообще. Интересноуое устройство. Недавно доставленъ.

Черезъ четверть часа Брошнѣ водилъ Семена Арсентьевича по участку.

Жара спадала, съ востока набѣжали облака, темнѣющее солнце свѣтило, какъ плывущій маякъ.

— Позвольте, — спохватился, наконецъ, Семень Арсентьевичъ, когда, осматривая участокъ, подхлѣлъ къ дому. — Позвольте, гдѣ же завѣдующій? Отъ кого, собственно, я долженъ складъ принимать?

— Въ обѣздѣ по району, — отвѣтилъ Брошнѣ. — Онъ у насъ радко на мѣстѣ. Вообще.

— Что вообще? — Такъ! А насчетъ склада — отъ меня примете складъ.

Изъ пристройки появилась дѣвка съ сергами въ ушахъ. Она прошла мимо мужичка, поглядѣвъ на Брошнѣа меньше, на Семена Арсентьевича больше, и ему показалось, будто полныя губы ея дрогнули съ улыбки.

— Она кѣмъ тутъ находится? — кинулъ онъ.

— Это Любаша, работница. А также азъ скотиной.

Брошнѣ сдѣлалъ въ воздухѣ ручкой: — Вообще! А вотъ тамъ у насъ рѣка, — перекинулся еще влугрѣ на другую тему. — Рыбешка есть кой-какая. Вы не любите?

III.

Остатокъ дня Семень Арсентьевичъ сладко спалъ. Когда проонуло, лунный столбикъ бѣло уперся въ дверь. Въ саду заливчато шканди соловьи и гдѣ-то, очевидно, въ стойлѣ, конь бѣлъ копытомъ.

— Пуститъ... охъ!

Семень Арсентьевичъ выглянулъ изъ окна: бѣлое пятно мелькнуло между кустами, подобно птицѣ, и раздались трескъ разрываемой матеріи. Семень Арсентьевичъ оглядѣлся и пошелъ къ створамъ лѣса.

Варнулася домой поздно, а угроза отъ рѣки на складъ дѣловой топки походило. Еще надалу у раскрѣпке рей амбара увидѣлъ Брошнѣа. Онъ за створомъ, шлепая на счетахъ.

— Здравствуйте! — кинулъ онъ рону Семена Арсентьевича. — Имѣю?

Захлопнула книгу и вѣталъ, волосы патерно. На сѣрыхъ, въ бровкахъ Семень Арсентьевичъ азъ свѣтлѣющую заплуту.

— Гдѣ она вы? — усмѣхнулся Семень Арсентьевичъ.

— Тоже собака?

— Собака? — Брошнѣ поглядѣлъ танное мѣсто. — Это пустякъ, вообще сейчасъ ступилъ вынесу.

— Не беспокойтеся, я самъ.

Въ комнатѣ у Семена Арсентьевича была мыла полъ. Фыркая, она выпрыгнула юбочною. Семень Арсентьевичъ остановился въ нерѣшительномъ изумленіи.

— Дайте, пожалуйста, стулъ, — сказалъ онъ, и никакъ не могъ отвести отъ выгорѣлыхъ мускулистыхъ рукъ Ахуевъ, дѣвка обернулася, кровью нап, выгнулася, и Семену Арсентьевичу чудилось, будто саади нея въ овалъ илать садъ.

Дѣвка вытерла руки о подолъ ла стула, выгнувшись такъ, что у Арсентьевича на скулахъ залѣпала кока.

— Спасибо. Васъ Любашей зовутъ? — Любашей! — Зубы ея про блещутъ.

— Я васъ ночью видѣла. — Видѣли? Гдѣ же? — А въ травѣ. Сидѣла, а вы вѣдали? Чудно!

Семень Арсентьевичъ пристально нулъ ей въ глаза и пошелъ прочь. — Слышите, давайте я вамъ шашинку!.

Передъ вѣтеромъ прѣхалъ изъ южной мужикъ съ запиской отъ

Apollinaris

продается везде

Всемирно известная СТОЛОВАЯ ВОДА

Время жары приятный напиток с лимонным, апельсиновым соком, коньяком и виски

Brünnenvertriebsaktiengesellschaft / Berlin SW 61, Yorkstr 59
vormals Dr. M. Lehmann und I. F. Heyl & Co. / Tel.: Baumann 3538-38

Кондитерская „RUSCHO“

Большой выбор лучших
Пралинэ, Конфект, Пирожных и Печений

Русские специальности „Эйнем“

Безплатная доставка на дом

Königsplatz 187, Bismarck 8929
известные композиторы и виртуозы
Cécile Eboit und Alfred Strasser на двух роялях

Ansbacher Straße 15, Bavaria 0345
Капелла Филипп

Советская власть и Германия.

Впервые очередное иностранное обозрение в журнале «Voss. Zeitung» посвящено советскому режиму. Автор, что за 10 лет существования советского режима отчуждения его Европы не только не ослабло, но, напротив, стало еще глубже. Теперь вся Европа стало совершенно ясно, что советская власть не имеет никаких целей, никакого определенного пути и что тем сильнее и чаще колебания, тем определеннее все остается на месте. Политика советской власти это был бы колосс. Если бы объявлен новый курс, то лишь тогда, когда бы в который уже раз, пошел бы полный фiasco. Автор вводит в высказанным нами взглядом, что путь на право и влево мурлычат вообще никакого курса, власть делится во все стороны и в это время можно было бы искать какого-нибудь выхода. А результаты тот, что приходится закупать хлеб на мировом рынке в России.

Мы ожидать какого-либо экономического интереса, со стороны капиталистических стран, особенно после преданных уже опытов. Поэтому советская власть все больше изолируется и в международном положении одна неудача следует за другой: разрыв с Англией стабилизирован, Америка и не думает о признании, Франция относится с большой сдержанностью. На Востоке и в Азии положение не лучше и у Германии нет никаких оснований проявлять какую-либо активность. После шахтинского процесса, цели и смысла которого Германия никак не могла понять, в московской прессе замечена перемена курса в отношении в Германии. Повидимому там желают использовать некоем разочарование, испытываемое Германией вследствие неосуществившихся локкарнских надежд. Этим расчетам г. Церер противостоит впечатление, что до сих пор восточный сосед оказывается весьма ненадежным контрагентом. И если при предстоящем возобновлении иррванских берлинских переговоров, он вновь явится с прежними чрезвычайными требованиями, то снова получить отказ.

Находка трупа Левенштейна.

Париж, 19. 7.
В четверг в гавань Кала прибыла лодка с трупом бельгийского банкиера Леона Левенштейна. Тело было найдено на параллели мыса Гринз в 10 милях от берега. Труп одет только в нижнее белье и сильно изъеден рыбами. Лица совершенно обезображено. Установлено, что покойного привезено только по одному билету. Находка тела Левенштейна не разрешает, конечно, вопроса, были ли он случайно или намеренно выброшен с аэроплана.

Париж, 20. 7.
Собираются следующие подробности нахождения тела Левенштейна. Рыбаки ловили рыбу в канале, замкнули человеческую ногу, плававшую на поверхности воды. Тело Левенштейна находилось в состоянии сильного разложения. Ноги были почти отбиты от туловища. Во многих местах кожа отпала. В виду этого взяли тело в лодку не представляя возможным и рыбаки с величайшей осторожностью буксировали его до гавани. На правой руке утопленника рыбаки замечали часы-браслет, которые они немедленно

да обомь. Прежде всего мужик спросил Любашу и долго сидеть у нея в дурацком МЫшки мужик привез рыные, а втуду дыры солодом, но когда клаци на море, один мшок ло туль синзу, и зерно вывалос шумным потоком. Стал роиать, мшая с землей. Семень Арсентьевич, раздосадованный, принес из Мора мшок с газанным клеймом и строго наказал доставит обратно. Мужик в мше и, видимо, хитрил. Стрелая овес в урочных ладонями, он чмокал, приговаривая:
— Зерно то какое... Кулак-зерно! Пова, Господи!
— Обработай, Семень Арсентьевич почти побасал на рьку. Хотел, пригласит Машину, но к нему привели хромого коня.
Семень Арсентьевич искушался, — зенные бригги летали вокруг, точно ракеты, — и, едва вскарабкался на берег, увидел Любашу. Он яростно закричал на нее, прикрывшись пальцем, что подделалось под руку. Но Любаша, смелее и уверенно шла вперед, выкапывая ноги. Семень Арсентьевич, увидя Любашу, испугался.
— Испугался-то, эдак-слазьте! Правды не увидят.
— В роде! — недовольно буркнул Семень Арсентьевич.
— В роде Володи нынче в модь.
— Не пельза же...
— А мшь охота! — отрязала Любаша. — Чего стоишь?
— Чего стоишь?
— Семень Арсентьевич, не зная что делать, пошел в сторону. Сь волос в глаза вода.
— Дни какие знойные, — лживо сказала Любаша. — Одну бы теперь работу: в рьку бы пошла рьки.
Семень Арсентьевич безмолвствовал, глядя на воду. Совсем поверху швыряла вода пенкари.
— Сынцита, — Любаша тронула Семена Арсентьевича ногой, — дитаны ваши и слава куражится будете — не отдайте. — Семена, глядя в Любашины влажные испиталь Семень Арсентьевич тихо пошел в складях.

И вдруг, дернувшись за рукав с такой силой, что Семень Арсентьевич повалился, Любаша жирными сладкими губами закрыла ему рот...
IV.
Сь каждым днем садь опускался свои пучками плечи все ниже. Уже румянился плод, а в рьчной заводи по ночам стали неуютно вонять лягушки. Глб тут спать, когда звякнул ведущий надь головой нескончаемый хоролов, а земля пахнет так, что хочется вырваться в ея очное мясо...
И в эту ночь Семень Арсентьевич, поджда Любашу, долго ходил по берегу и так же не думал ни о чем, ничего не желал. Он зашел в пьсно, и, странно: голое его в луном просторь плеснулось жидко. Упорствуя, Семень Арсентьевич стал дикриновать, притопывая для облегчения ног, но слова пьни казалась слишком сухими. Он вернулся к прежней дорожке и по ней, подогная собственную тьну, двинулся к участку.
За деревьями не было видно построек, деревья же развалились вверх и вниз, лунный свьт лежал на них, как иней.
Семень Арсентьевич внезапно останоуился, уловив человеческую рьч. Придулся: говорил Ирощин, Семень Арсентьевич сразу узнал его голос, пьсий, как вбда:
— ... а ты вот как. Что я — кусаться буду? Конечно, кинь у него полный стол. Вообще — барин, и подходь такой... Вь жизни, навьрно, разбирается. Конечно! А вь жать кровь простая, учены мы не очен, но нить можем тихо, не задаваясь. Вообще.
— Родом ты токий, — небрежно ответил Любаша. — Как глится! Ну, что я сь тобой буду дьлать? А во мшь, гляди, сила — во!.. И говоришь-то сь тобой, как вь дуду дудеть: волче, да волче! И все ты спокую гьчши. Спринцовщик!
Наступило молчанье, а зашь сквозь льющийся откуда-то сверху соловьиный свьст снова раздался Любашин голос:
— Мать мшь рогулку налепка сь той мучки-то. На той недель прислала. Угостишь? Семень Арсентьевич вздохнул и пошел дальше.
(«К. Н.»). Николай Ларонов.

но взяли. На часах было имя Левенштейна и его бросельский адрес. По прибытии в Кала были извещены полицейские и судейная власть, которая установила личность утопленника. Это установление произошло на основании исследования целостности покойного. Судейная власть уже выдала удостоверение о смерти. Медицинское обследование показало, что на левом плече и левой стороне груди трупа имеются тяжелые ранения. При падении тела в воду были сломаны ноги.

Тереворы в Египт.
Каир, 20. 7.
Египетский король Фуад опубликовал вчера декрет, распускающий парламент на 3 года. Одновременно отменяются статьи конституции, обеспечивающие свободу печати и собраний. Распуск парламента объясняется конфликтом между законодательным учреждением Египта с одной стороны и Англией с другой. Лишь недавно король Фуад заставил выйти в отставку последнего премьера Нагаса-пашу, одного из главных противников Англии. Король воспользовался разоблачениями, появившимися в печати, что Нагаса-паша виновен в денежных злоупотреблениях. Образованное королем новое правительство не имело в парламенте большинства, по этому король решил временно приостановить действие конституции.

Убийство Обрегона.
Мексико, 19. 7.
В Гваделупе арестовано 20 монахинь местного монастыря. Монастырь закрыт. Одному из корреспондентов газет удалось видеть убию Обрегона, которого Лино убины и правая рука были в крови. Очевидно его повергли избиениям.

В Мексике объявлен 9-дневный траур по убитому президенту. Тело Обрегона отправлено в специальном поезде в родной город покойного — Сонору. Похоронный cortege возглавлялся президентом Каллосом. Тысячи политических сторонников Обрегона дали публичную клятву продолжать его политику и наказать виновных. В городе Мексико господствует сильное возмущение. Вся воиска находится в боевой готовности. По улицам день и ночь патрулируют солдаты и полицейские.

Договор о запрещении войны.
Лондон, 19. 7.

Опубликован текст английского ответа правительству Соед. Штатов. Британское правительство выражает готовность подписать договор о запрещении войны в виду того, что Келлог принял во внимание все оговорки, сданные в свое время Англией. По мнению британского правительства, договор не противоречит обязательствам, вытекающим из устава Лиги Наций и Локкарнского договора, составляющих основу политики Англии. Правительство Его Величества с особым удовольствием узнало, что все державы, подписавшие локкарнское соглашение, приглашены теперь первыми подписать новый договор и что правительство Соед. Штатов собирается привлечь к договору всех остальных членов Лиги Наций. Чемберлен, подписавший ноту, повторяет свое указание на то, что существуют известные области мира, неприкосновенность и благополучие которых представляет величайшую важность с точки зрения жизненных интересов Англии. Великобританское правительство принимает новый договор при условии, что свобода действий Англии в отношении этих районов договором не ограничивается. Далее Чемберлен указывает, что новый договор никоим образом не ограничивает права государства на самооборону, причем каждое государство само вправе решать, какие военные мероприятия должны быть приняты в этом случае.

Английские рабочие против коммунистов.
Лондон, 19. 7.

Конгресс английских горнорабочих большинством 620 тысяч против 8 тысяч принял резолюцию исполнительного комитета, которая в резкой форме осуждает тактику коммунистов.

Парламентская Франция рабочей партии выразила порицание шотландским социалистам Менстону и Уилге, которые выступили в печати с осуждением тактики партии и с требованием решительной борьбы против капиталистов.

Срок английских выборов.
Военный министр Уоррингтон Эванс заявил на митинге, что выборы в парламент произойдут только летом 1929 г.

Румынский заем.
Бухарест, 19. 7.

Переговоры между правительством и иностранными банками закончены. Румынии будет предоставлен заем в 250 миллионов долларов. Еще до официального подписания Румыния получит аванс в 400 миллионов франков. На 26 июля назначена сессия парламента. Крестьянская партия собирается открыть свой собственный парламент.

Аресты в Испании.
Париж, 19. 7.

Секретарь испанской лиги защиты прав человека Ортега телеграфирует во французские газеты, что по его сведениям в Испании за последнее время арестовано свыше 1000 человек.

Бегство легионеров.
Париж, 20. 7.

Два солдата иностранного легиона во Алжире похитили автомобиль генерала, командовавшего легионом и помчались к триполитанской границе. Их бегство было замечено и все пограничные посты были извещены по радио. Беглецы наткнулись на отряд пограничной стражи и вступили с ней в перестрелку. Один из легионеров был убит. Другой, продолжая бегство, на полном ходу выскочил с автомобилем врасплох в солдате озера, где и был арестован.

Экспедиция Нобиле.
Кингсбай, 19. 7.

«Красин» прибыл в Кингсбай вместе со спасенными членами итальянской экспедиции. Лодколюб поиничит здесь сломавшийся шит, возьмет уголь и зашь снова отправится на поиски группы Алессандро и Амундсена.
Муслиони предписал всем итальянцам немедленно вернуться на родину. «Город Милан» доставит их в Норвегию, а сам вернется обратно в Кингсбай. Всем членам итальянской экспедиции предписано не давать никаких интервью и не выступать в газетах.
Шведская спасательная экспедиция отозвана обратно.

Отмечают, как курьез, что во время как группа Виглиери была спасена русской вспомогательной экспедицией, отправленной по приказу советского правительства, сам Нобиле был спасен шведскими капитанами Лундборгом, дванди сражающимся против большевиков — в Финляндии и в Прибалтике. За свои действия против большевиков Лундборг получил от финляндского правительства высший орден «Вьлой розы».

Норвежское правительство отказалось сь мысли произвести официальное разоблачение всех обстоятельств, связанных с гибелью «Итали». Правительство считает, что оно имьет на это право, в виду того, что катастрофа произошла в районе Шпицбергена принадлежащем Норвегии. Однако, такое разоблачение пожелало бы за собой ряд сложнейших международных проблем, а потому призна нежелательным.

Пьвческий праздник в Вьне.
Вьна, 19. 7.

В Вьне открылся 10-й всегерманский праздник пьвческих союзов, в котором принимают участие около 150.000 человек. На праздник прибыли члены пьвческих пьвческих союзов, разбросанных по всему свьту. Праздник обратился в внушительную демонстрацию единения германского и австрийского народа. Первый концерт происходил в «Домь Пьни», где собралось до 80.000 человек. Приветственные рьчи были пропознесены австрийским канцлером Зейтцлером и германским посланником графом Меркельфельдом.

